

**Сборник материалов для истории
Императорской Академии наук в 18 веке**

Том 1. Часть 1-2

УДК 93
ББК 63.3
С23

С23 Сборник материалов для истории Императорской Академии наук в 18 веке: Том 1. Часть 1-2 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 594 с.

ISBN 978-5-518-11099-1

ISBN 978-5-518-11099-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Занимаясь нѣкогда въ академическомъ архивѣ исторією Академіи Наукъ, я невольно обратилъ вниманіе на разные важные документы, съ которыми связаны имена извѣстныхъ литературныхъ двигателей, какъ - то: кн. Кантемира, Миллера, Тредіаковскаго, Татищева, Ломоносова, Шлецера и т. д. Мало по малу у меня составилъ цѣлый сборникъ такихъ матеріаловъ, въ особенности изъ архивныхъ документовъ бывшей академической Канцеляріи, но я вскорѣ почувствовалъ необходимость нѣсколько ограничить выборъ документовъ. Между прочимъ мнѣ хотѣлось со временемъ разъяснить первое появленіе Ломоносова въ средѣ и подъ защитою Академіи, и при этомъ я не могъ не опредѣлить прежде всего значенія Тредіаковскаго до возвращенія Ломоносова изъ-за границы. Изъ собранныхъ мною извѣстій и вновь отысканныхъ литературныхъ произведеній кое-что мною сообщено было уже прежде.

Кромѣ напечатаннаго въ 1854 году перевода Фенелоновой оды 1738 года, я считаю не лишнимъ указать на нѣкоторые документы, помѣщенные мною во Введеніи къ Ученымъ Запискамъ (Т. I, 1852 г. стр. LXV — LXIX), равно какъ на собранные и объясненные мною матеріалы для исторіи литературной дѣятельности Ломоносова въ 1738 и 1741 годахъ (Уч. Зап.

Т. III, 1855 г. стр. 256 — 290); въ 1860 году собранныя мною письма Вольфа, относящіяся къ пребыванію Ломоносова въ Марбургѣ, включены были въ Сборникъ Вольфовыхъ писемъ, который въ томъ году изданъ былъ Академіей.

Сообразно первоначальной цѣли моего Сборника я не имѣлъ въ виду изданія всѣхъ тѣхъ архивныхъ документовъ 1736 — 1741 годовъ, которые не относятся прямо къ Ломоносову, но по случаю предстоящаго юбилея многіе выразили желаніе, чтобы я собралъ всѣ малѣйшія подробности, могущія пролить свѣтъ на тогдашнюю судьбу Ломоносова. Кромѣ того длинное письмо его отъ 16 ноября 1740 года, которое мнѣ стало извѣстнымъ лишь въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, побудило меня сообщить нѣсколько писемъ Фрейбергскаго горнаго совѣтника Генкеля не въ извлеченіи, а цѣликомъ. Все это значительно увеличало объемъ Сборника.

При собираніи свѣдѣній о вышеупомянутыхъ лицахъ я не обращалъ вниманія на то, на какомъ языкѣ сохранились эти свѣдѣнія. Почти всѣ письменныя извѣстія о Ломоносовѣ, относящіяся ко времени его пребыванія въ Германіи, дошли до насъ на нѣмецкомъ языкѣ. Необходимо нужно было, чтобы многія изъ нихъ впредь и другимъ извѣстны были въ подлинникѣ. Оказавшіеся въ Академіи документы на русскомъ языкѣ, относящіеся къ судьбѣ Ломоносова и двухъ товарищей его въ 1736 — 1741 (1743) годахъ, по большей части ограничиваются дѣловыми бумагами, извлеченіями изъ подлинныхъ документовъ и нѣкоторыми болѣе или менѣе точными переводами подлинниковъ. Нѣкоторый впрочемъ не очень ошутительный пробѣлъ замѣтилъ я только за 1741 годъ, что объясняется извѣстнымъ указомъ императрицы Елисаветы.

Всѣ изданныя мною бумаги имѣютъ оффиціальныи характеръ, въ томъ числѣ и латинское письмо Ломоносова къ Генкелю (см. № 67), потому что послѣдній приложилъ его къ своему донесенію, какъ документъ. Донсенія на нѣмецкомъ языкѣ, присланныя Ломоносовымъ изъ Марбурга въ 1737 — 1738 годахъ, въ тоже время, согласно данной ему инструкціи,

должны были служить доказательствомъ успѣховъ его въ изученіи нѣмецкаго языка. По этому мною и оставленъ безъ измѣненія встрѣчающійся кое-гдѣ оригинальный способъ правописанія Ломоносова, точно также какъ мною не измѣненъ и довольно странный мѣстами слогъ Генкеля и Шумахера.

Такъ какъ вообще многіе изъ напечатанныхъ мною документовъ написаны тяжелымъ слогомъ, то недавно выражено было желаніе, чтобы подъ моимъ наблюденіемъ изготовленъ былъ переводъ этихъ документовъ. Конечно мнѣ, какъ собирателю и издателю подлинниковъ, пока ближе извѣстны, нежели другимъ, вся связь между этими документами и кое-какія скрывающіеся въ нихъ оттѣнки и намеки, особенно въ бумагахъ академической канцеляріи. По первоначальному плану моего Сборника мнѣ прежде всего предстояло окончить изданіе всѣхъ назначенныхъ мною къ обнародованію подлинныхъ писемъ и документовъ, что требовало не мало труда. Теперь, когда *главная* задача исполнена, можно спокойно войти въ соображеніе о томъ, какимъ образомъ облегчить пониманіе изданныхъ мною документовъ. Критическая же оцѣнка ихъ составляетъ особенную задачу, — задачу необходимую, потому что нѣкоторыя мѣста могли бы подать поводъ къ недоразумѣніямъ, если бы ихъ стали разсматривать только отдѣльно, а не въ связи со всѣмъ остальнымъ.

Изъ числа не дошедшихъ до насъ бумагъ всѣхъ интереснѣе было бы письмо Ломоносова къ Шумахеру, отъ 21 мая 1740, отправленное изъ Лейпцига. Но объ немъ положительно можно сказать, что оно не получено. (Ср. распоряженія Шумахера ниже стр. 174, 175, 185 съ письмомъ Ломоносова на стр. 181). Долго я также не могъ отыскать письма Ломоносова къ Шумахеру отъ 16 ноября 1740, изъ Марбурга. Когда я выразилъ свое сожалѣніе объ этомъ нѣкоторымъ изъ моихъ товарищей по Академіи, П. П. Пекарскій сообщилъ мнѣ, что это письмо уже списано и предназначено имъ къ печати, но что онъ готовъ передать мнѣ свою копію для пополненія моей коллекціи. Считаю пріятнымъ долгомъ выразить

здѣсь ему мою искреннюю признательность за столь обязательное сообщеніе *).

Брошюру графа Андрея Петровича Шувалова, которую многіе тщетно отыскивали долгое время и мнѣ наконецъ удалось найти въ Вольтеровской библіотекѣ, я сначала хотѣлъ отпечатать только въ 50 экземплярахъ, желая ею побудить знатоковъ литературныхъ лѣтописей Франціи и романской Швейцаріи къ разрѣшенію нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ о той роли, которую игралъ графъ Шуваловъ въ качествѣ почитателя Ломоносова и Вольтера. Но эга библіографическая рѣдкость возбудила во многихъ такой живой интересъ, что я по желанію ихъ также включилъ ее въ Сборникъ, не измѣнивъ того, что мною прибавлено въ Notice supplémentaire собственно для иностранныхъ историковъ и библіографовъ. Въ перепечаткѣ соблюдено правописаніе подлинника.

---

*) Письмо Ломоносова отъ 16 ноября 1740, какимъ-то образомъ попало въ одинъ изъ фоліантовъ Архива ученой Конференціи, находившійся въ 1860 году у меня въ рукахъ для выборки писемъ Вольфа отъ 1740 года, но тогда мнѣ нѣкогда было полюбопытствовать. Можетъ быть, г. Пекарскому при начатомъ имъ систематическомъ разборѣ академическаго Архива старыхъ дѣлъ удастся отыскать и письмо Вольфа отъ 25 ноябля 1736 (см. ниже стр. 110) и письмо президента къ Генкелю (см. ниже стр. 176, отъ . . . 1740 г.).

А. Кушнѣвъ.

Объ отношеніяхъ Ломоносова къ Тредіаковскому по поводу Оды на взятіе Хотина.

(вмѣсто введенія.)

При начертаніи плана Императорской Академіи Наукъ были приняты во вниманіе почти всѣ отрасли человѣческаго знанія, но когда дѣло дошло до осуществленія ея идеи, оказалось необходимымъ значительно ограничить число предметовъ, которые должны были войти въ составъ ученыхъ занятій Академіи. Изъ первоначальнаго проекта сначала исключили разрядъ богословскихъ наукъ, предоставивъ попеченіе о преуспѣяніи ихъ Святѣйшему Правительствующему Синоду. Потомъ до крайности сократили объемъ историко-филологическихъ и политическихъ наукъ. Правда, послѣднія въ то время не дробились еще на такое множество специальныхъ предметовъ, какъ въ позднѣйшее время, но назначенныя для нихъ мѣста были слишкомъ несоразмѣрны съ числомъ мѣстъ, открытыхъ для физико-математическихъ наукъ. Это-то обстоятельство и должно было невыгодно дѣйствовать на осуществленіе задачи, возложенной на Академію ея основателемъ, — задачи ввести и акклиматизировать въ Россіи науку: въ то время именно историко-филологическія науки болѣе всего могли возбуждать интересъ въ публикѣ и слѣдовательно болѣе всего служить самымъ естественнымъ звеномъ соединенія между нею и Академіею. Были, впрочемъ, еще и другія болѣе или менѣе важныя причины, которыя съ самаго начала вредили преуспѣя-

нію Академіи и не должны быть упущены изъ виду безпристрастнымъ историкомъ ¹⁾).

Многимъ, которые о прошедшемъ судятъ съ точки зрѣнія настоящаго времени, кажется страннымъ, что въ Академіи сначала не было обращено должнаго вниманія на изученіе русскаго языка и русской исторіи. Но въ то время словесность была еще больше личнымъ искусствомъ, нежели самостоятельною наукой, и притомъ, судя по нѣкоторымъ намекамъ Петра Великаго, мы въ правѣ допустить, что со временемъ предполагалось восполнить какъ этотъ, такъ и другіе пробѣлы и недостатки первоначальнаго проекта учрежденія Академіи Наукъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна собственно-ручная приписка Петра Великаго къ одному изъ параграфовъ проекта, требовавшему отъ каждаго изъ вызванныхъ академиковъ, чтобы онъ привезъ съ собою одного или двухъ хорошо обученныхъ воспитанниковъ, которые въ качествѣ его адъюнктовъ должны были совершенствоваться въ наукахъ подъ его руководствомъ, или сдѣлаться преподавателями въ академической гимназіи. Резолюція эта гласитъ:

«Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ «славенскаго народа, дабы могли удобнѣе Рускихъ учить, «а какихъ наукъ, написать именно». Подъ этимъ онъ разумѣлъ западныхъ Славянъ ²⁾, но эта мысль, какъ и множество другихъ начинаній великаго преобразователя, по смерти его была забыта.

Первые академики не были достаточно знакомы съ весьма разнообразными цѣлями, которыхъ Петръ Великій желалъ достигнуть сразу посредствомъ Академіи. При всемъ томъ уже съ самаго начала между ними обнаруживалось нѣкоторое сознаніе необходимости заняться изученіемъ Россіи. Такъ Коль

---

¹⁾ На нѣкоторыя обстоятельства я вкратцѣ указалъ въ своемъ историко-литературномъ очеркѣ, составляющемъ введене кь вышедшимъ въ 1852 году Ученымъ Запискамъ И. Ак. Н. по I и III Отдѣленіямъ.

²⁾ См. доказательства, приведенныя мною въ изданія: Briefe von Chr. Wolf aus den Jahren 1719—1753. St. Pet. 1860. стр. 244.

по собственному побужденію сталъ заниматься церковно-славянскою литературой, а Байеръ, хотя первоначально также назначенъ былъ для такъ-называемыхъ гуманиора, безъ всякаго посторонняго приглашенія примѣнилъ историко-филологическія занятія свои непосредственно къ изученію Россіи и поощрялъ молодаго адъюнкта своего Миллера къ изученію славянскаго и русскаго языковъ. Студенту Адодурову — впоследствии адъюнкту — поручено было составить русскую грамматику, которая въ 1731 году напечатана была въ видѣ прибавленія къ нѣмецко-россійскому Лексикону ³⁾. Хотя она была весьма неудовлетворительна, но все таки чувствовалась потребность продолжать въ этомъ духѣ, когда Академія со времени возвращенія Двора изъ Москвы въ 1732 году стала оправляться отъ перваго своего упадка. Новый президентъ Академіи, баронъ Кейзерлингъ, отправляясь посломъ въ Дрезденъ, 18 декабря 1733 года составилъ на время своего отсутствія для Академіи и академической Канцеляріи инструкцію, въ 23-мъ § которой говорится слѣдующее:

«При семъ же рекомандую я сему Департаменту особливо, чтобъ стараться по всякой возможности о произведеніи Штатскаго и Газетнаго Лексикона, также и о поправленіи россійской и нѣмецкой грамматики ⁴⁾, понеже сіе въ пользу Академіи будетъ, и изъ которыхъ перво господинъ Вижеръ, а послѣднее господинъ Адодуровъ въ состояніе привести на свои труды приняли».

/ Новую и во многихъ отношеніяхъ существенную услугу

---

³⁾ Teutsch-Lateinisches und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert.

Нѣмецко-Латинскій и Русскій Лексиконъ, купно съ первыми началами Русскаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи Наукъ печатію изданъ.

St. Petersburg, gedruckt in der Kayserl. Academie der Wissenschaften Buchdruckerey 1731. 788 стр. и 48 стр. (Anfangs-Gründe der Russischen Sprache) in-4°.

⁴⁾ Т. е. учебниковъ для академической гимназіи.

разработкѣ литературнаго языка и усовершенствованію русскаго слога оказалъ Василій Кириловичъ Тредіаковскій⁵⁾, тѣмъ что непосредственнымъ послѣдователямъ и подражателямъ своимъ указалъ и отчасти самъ проложилъ новые пути. Довольно долго существовало мнѣніе, что судъ потомства относительно значенія Тредіаковскаго въ области народнаго просвѣщенія установился разъ на всегда: полагали, что почти стереотипные эпитеты: «пресловутый, уморительный», достаточно характеризуютъ человека, тогда какъ это только показывало, что его и сочиненія его изучали лишь поверхностно и даже весьма недобросовѣстно. Много этому способствовали приписываемое Петру Великому предсказаніе относительно Тредіаковскаго въ 1722 году, и насмѣшки, которымъ Екатерина II послѣ смерти его подвергала «Телемахиду»⁶⁾ За тѣмъ громкое имя Ломоносова и слѣпая вѣра въ авторитеты не позволяли историкамъ словесности отдать справедливость такому труженику, какъ Тредіаковскій. Но и послѣ 1849 года, когда Перевлѣсскій положилъ начало разсудительной реакціи одностороннему взгляду на Тредіаковскаго, все еще слишкомъ мало умѣли строго отличать различные фазисы его литературной дѣятельности. Какъ это часто бываетъ въ области историческихъ наукъ, такъ и тутъ опять оказалось, что безъ основательнаго изученія деталей, какъ это уже давно блистательно доказали естествоиспытатели, нельзя окончательно рѣшить ни одинъ историческій вопросъ. Единственное обстоятельство, которое еще отчасти можно привести въ оправданіе многочисленныхъ критиковъ, это то, что нѣкоторыя изъ первыхъ, печатанныхъ сочиненій Тредіаковскаго сдѣлались большою библиографическою рѣдкостью или вовсе не были извѣстны. Тредіаковскій самъ въ позднѣйшіе годы съ явнымъ прене-

---

⁵⁾ Такъ Тредіаковскій самъ постоянно писалъ и печаталъ свою фамилію. Мы для однообразія держались этой формы, потому что не имѣли права переимѣнить ея въ статьяхъ ниже перепечатанныхъ.

⁶⁾ Ср. также фразу: *въ тредіаковщину заѣхалъ!* въ Дневникъ Чиновника (Отеч. Зап. Томъ CI. 1855. Отд. I, стр. 129).

бреженіемъ глядѣлъ на первенцовъ своей любви къ литературѣ, или совершенно передѣлалъ ихъ, издавая въ 1752 году собраніе своихъ сочиненій⁷⁾; такимъ образомъ долго не подозрѣвали, что именно въ первыхъ печатанныхъ сочиненіяхъ его, относящихся къ тридцатымъ годамъ прошлаго столѣтія, кроется ключъ къ правильной оцѣнкѣ этого мученика русской словесности. Однимъ словомъ, во всей дѣятельности Тредіаковскаго слѣдуетъ строго различать три періода:

- 1) Періодъ первыхъ зачатковъ съ 1725 до 1734 года.
- 2) Періодъ авторитетности съ 1734 до 1740 года.
- 3) Періодъ соревазованія съ его послѣдователями съ 1740 до 1769 года.

Сообразно цѣли Введенія, мы сообщимъ здѣсь только нѣсколько замѣчаній относительно литературной дѣятельности Тредіаковскаго, въ теченіе втораго періода, замѣчаній, необходимыхъ для правильнаго уразумѣнія его отношенія къ Ломоносову. Въ короткой, автобіографической запискѣ, составленной имъ въ 1754 году для Академической Канцеляріи въ замѣнъ послужнаго списка, онъ самъ говоритъ о своемъ ученіи слѣдующее:

«Дѣдъ и отецъ мой были священники. Я именованный учившись, по желанію моего, покойнаго нынѣ, родителя, Словеснымъ Наукамъ на Латинскомъ языкѣ, еще въ молодыхъ моихъ лѣтахъ, въ Астрахани, гдѣ моя и Родина, у Римскихъ живущихъ тамъ Монаховъ, а по охотѣ моей къ ученію, оставилъ природный городъ, домъ, и Родителей, и убѣжалъ въ Москву, да и учился въ законоспаскомъ монастырѣ прежнимъ помянутымъ Наукамъ⁸⁾. По окончаніи Реторики, нашелъ я способъ уѣхать въ Голландію⁹⁾, гдѣ обучился Французскому языку Оттуду, шедши пѣшъ за крайнею уже своею бѣдностію, пришелъ въ Парижъ¹⁰⁾, гдѣ въ Университетѣ, при щедромъ бла-

⁷⁾ Сочиненія и переводы какъ стихами такъ и прозою. 2 тома in-8°.

⁸⁾ Съ 1723 г.

⁹⁾ Въ 1725 г., а по Тредіаковскому въ началѣ 1726 г.

¹⁰⁾ «Въ окончаніи 1727 г.»

годѣтелей моихъ меня содержаніи, обучался Математическимъ и Философскимъ наукамъ, а Богословскимъ тамже въ Сорбонѣ; чему всему имѣлъ я письменное засвидѣтельствованіе за рукою такъ называемаго Ректора Магнифика Парижскаго Университета, для того что я тамъ содержалъ Публичный диспутъ въ Мазаринской Коллеги; но письменный сей Аттестатъ, въ бывшее пожарное приключеніе въ концѣ 1746 года здѣсь въ СП-ѣ у меня згорѣлъ...»

По словамъ академика Миллера Тредіаковскій пріѣхалъ изъ-за границы въ Петербургъ съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ и сблизился — стало быть не раньше осени 1730 г. — съ академическимъ студентомъ и переводчикомъ Адодуровымъ, у котораго онъ и жилъ.

Изъ-за границы онъ привезъ съ собою сдѣланный въ Гамбургѣ переводъ французскаго сочиненія (*Voyage à l'île d'Amour, ou la Clef des coeurs, par Paul Tallemant. Paris. 1713*), который въ 1730 году былъ напечатанъ Академіею и къ которому онъ между прочимъ присоединилъ самое старинное свое стихотвореніе: «Элегія о смерти Петра Великаго», сочиненное имъ въ 1725 году¹¹⁾. «Ѣзда», по увѣренію академика Миллера, не понравилась публикѣ по неуклюжему своему языку, но для молодаго автора было очень отрадно, когда герцогиня мекленбургская (Екатерина Ивановна) въ 1731 году въ Москвѣ съ похвалою отозвалась о его произведеніи и обѣщала ему представить его царствующей Императрицѣ. (*La Princesse Catharine... me fait de telles graces, qui passerent mes Esperances, tantôt en me donnant des Louanges tantôt à mon Livre, tantôt en me temoignant Sa Bienveillance jointe à la promesse de me presenter à Sa Maj-té Imp-le par elle même* (ср. ниже стр. 66). Разсчетливый Шумахеръ, котораго впрочемъ Тредіаковскій въ то время уважалъ какъ своего покровителя, посоветовалъ ему представиться также президенту Блюмен-

¹¹⁾ Въ первоначальномъ своемъ видѣ стихотвореніе это отпечатано было также во 2-мъ и 3-мъ изданіи «Ѣзды». Въ метрической передѣлкѣ оно явилось въ 1752 году въ его «Сочиненіяхъ и переводахъ»; срав. тамъ стр. XXIII.